

Дмитрий Захаров

ЖЕЗЛ СИЛЫ

Дмитрий Захаров

Жезл силы

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Захаров Д.

Жезл силы / Д. Захаров — "Мультимедийное издательство Стрельбицкого",

Одержимый желанием спасти возлюбленную, юноша Ратмир из племени сатов отправляется в Орду. По пути туда, где безжалостное солнце испепелило землю, главный герой узнает о древнем предании — избранном, который спасет планету от грядущего апокалипсиса. Сражаясь с драконами, молодой сат чувствует прилив сил, он побеждает в неравной схватке и видит туманное будущее, в котором землю сковали льды. Понимая свое предназначение, Ратмир приближается к границам Орды.

© Захаров Д.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

Мозглы	5
Городище	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Захаров Дмитрий

Жезл силы

Мозглы

Сырая ночь окутала землю прежде срока. Так случается в месяц нисходящего лемма – багряные лучи заходящего солнца тают в вечерней мгле, сумерки властно вытесняют опаловый предвечерний свет. Высоко в небе появляется рыжая луна, огромная, кривая, расколота надвое, словно выщербленная монета. Ее опаловый кант окрашен пурпуром, словно планета напилась крови. Этой осенью луна чрезмерно низко опустилась над землей, пурпурная тень захлестнула верхушки сосен широким рукавом. Трава покрыта инеем, будто щедрая рука осыпала землю серебром. Тревожная тишина сковала прохваченную ранними заморозками землю, ощущение опасности витает в воздухе.

Две фигуры перемахнули бревенчатый частокол. Высота десять локтей, почва в этом месте вспаханная, мягкая. Искатели сокровищ роют день и ночь, надеясь разыскать драгоценности меотов, только кроме старых кореньев, и крытых вековой ржой обломков железа ничего не обнаружили. Ржа старая, проеденная дырами, железо лежало в земле еще до Потопа, так брешут ведуны. Ведуны хранят тайны Сестринского Хряща с рвением истинных скопцов, на дыбе не выведать! Чести ради, в летописи Городища не упоминается случаев, чтобы ведун оказался на дыбе. Напротив, по их указам изменники попадают в руки безжалостных катов.

Коренастый мужчина угодил босой ступней в лужу, громкий шлепок разнесся в воздухе. Беглецы затаились, не решаясь двигаться дальше. Через просеку темной громадой застыл лес. Враждебный, таинственный, мохнатые ветви елей угрожающе тянут колючие руки, хотят ужалить. Голубые хлопья тумана стеклись в лощину, лесной шум слышен отчетливо, явственно, насыщенный влажной моросью. Тревожно квакали лягушки, оповещающая о появлении чужаков, залаяли неутомимые шняки, дразня, коверкая на свой лад звуки леса. Шевельнулась прибрежная осока, к беглецам приблизился мохнатый зверек, блестящие бусинки глаз сверкают во мраке.

– Брыль, режь твой дух медью, сорванец!

Высокий юноша погладил животное, зверь доверительно твякнул.

– Доброй ночи тебе, Брыль!

– Он не доносчик? – коренастый подозрительно косился на животное.

– Это – Брыль, добрый малый. Он нам поможет, не тушуйся, Щипач!

Человек, которого звали Щипачом, озирался по сторонам.

– Воля твоя, Ратмир! Я не доверяю зверям, оборотням и шнякам! А кроме того нелюдам. Нелюди вельми опасные, сразу не почувешь, кто перед тобой. Добрый бродяга, как мы с тобой, или нелюдь! Инде молвят, нету их в наших местах, нелюдей этих. Они на юге живут, в горах, как брешут старики... – голос у него был слабый, тонкий, будто ветки сухие ломают. Голос никак не соотносился с фигурой человека – массивной и крижистой.

– Помолчи! – молодой человек прижал ладонь к губам.

Щипач осекся, переступил с ноги с ногу.

– Что почуял твой друг?

– Они здесь! – едва слышно прошептал Ратмир. Он провел ладонью по лбу, будто хотел стереть кривой шрам в виде переплетающихся пауков. Рана была совсем свежей, бугристой, края воспалены. Она причиняла немало беспокойства молодому человеку. Он часто доста-

вал из полотняной сумы керамическую склянку, смазывал ладошку лечебным бальзамом, и прикладывал пахучую, клейкую массу к коже.

– Мозглы?! – бледно, без звука, одними губами вопрошал здоровяк. Уродливый нарост на спине не сковывал движения, а длинные, свисающие до земли руки выдавали недюжинную физическую мощь.

– Мозглы, режь их медью, кто же еще?! – раздраженно сказал беглый. Он склонился к лису, и внимательно слушал. Пес тявкал, острые уши напряглись.

– Кость в горле, кость в горло! – бубнил горбун. – Святые девы покровительницы Вселенной, отчего бросили Щипача?!

– Замолчи, прощу тебя! Святые девы тебе не помогут!

– Нечестивец! – буркнул Щипач, но вяло, будто внутренне соглашаясь с товарищем. – Каждый добрый человек тушует перед гневом семи дев.

– Я не в счет!

– Ты не в счет, бродяга! – согласился горбун. – Ты – нелюдь?

– Сам ты – нелюдь! – огрызнулся Ратмир.

– Точно нет? – Щипач пытался искоса заглянуть в лицо товарищу, отчего поскользнулся, и едва не упал в грязь.

– Нет, режь тебя медью! – молодой человек нарочно выпучил глаза, чтобы товарищ мог удостовериться.

– Чести ради... – Щипач выглядел смущенным. – Чести ради, бродяга! Мне страшно, вот и мелю невесть что! Прощаешь?

– Уже простил! – мужчина втирал в ожог мазь. Терпкий запах базилика, укропа и сушенницы топяной смешивался со смрадом испражнений. Очистные сооружения в Городище работали из рук вон плохо, отбросы сливали по дренажным канавам, параша застаивалась в низинах. Зимой наледи покрывали кочки, но с наступлением оттепели ручьи уносили следы человеческой жизнедеятельности. Скверным временем года была осень, пока землю не сковали морозы. Жижя заставилась в низинах. Брезгливый Щипач шмыгал носом, и мученически заводил глаза к небу.

– В прежние времена дерьмо не текло по улицам как дождевая вода!

– Тебе откуда ведомо? – Ратмир не удержался от усмешки.

– Старцы рассказывали...

– Все старцы одинаковы! В их пору и небо было синее, а солнце грело теплее!

Горбун вытянул шею, пытаясь разглядеть в серой массе леса.

– Что ты там ищешь? – спросил юноша.

– Верно, мозглы рядом?

– Рядом. Брыль не ошибается.

– Неужели мозглы подошли к стенам Городища, кость им в глотку дважды! – застонал Щипач, словно певчая под звуки донки.

– Холод. Темнота. Мозглы голодны, – лаконично отвечал Ратмир. – Говори тише, бродяга, стражи услышат.

Щипач стиснул топориче, пальцы свело судорогой. Он приглушенно бормотал заговоры, взывал к святым девам, перебирал амулеты на груди. Новый порыв ветра принес запах огня, аромат жареной оленины, свежеевыпеченного хлеба, отголоски женского смеха. Звенели струны донки, хмельной голос затянул удалую песню. За бревенчатым частоколом жизнь шла своим чередом. Короткое лето пролетело незаметно, впереди череда нескончаемых гуляний. День Омелы, Седмица Всадников, Встреча Снега. Молодежь пьет эль, веселится всласть, в период праздников старейшина Всеслав благосклонно относится к свальным забавам – как называют жители Сестринского Хряща массовые совокупления. После праздников наступает череда жертвоприношений. Если звездочеты сулят долгую

зиму, овцами и мулами не отделаться! Ведуны требуют человеческой крови. Хорошо, коли попадется пленный мункат разведчик или полукровка. Впереди долгая зима, приметы сулят ранние морозы, не за горами время, когда сумерки окутают остров. Ведуны иной раз настаивают на ценной жертве – обычно это сат, или переселенец из восточных провинций. Нынешняя зима сулит стать жестокой. Солнечный диск окаймлен серой пеленой, словно щупальца душат желтую звезду. Очень быстро светило уменьшится до размера медного грошика. Зато луна набирает силу, становится больше с каждым днем. Вскоре она закроет пятую часть небосклона, станут отчетливо видны впадины, рытвины и заброшенные каналы, прорытые меотами для своих загадочных нужд. Осень пришла в долину с первым дуновением холодного ветра. Уныло поникли алые соцветия лепестков чертополоха, съезжились в ожидании стужи бархатные листья папоротников, что мягким ковром выстилают долину возле истока реки. Листья пожелтели, и жалобно трепетали на ветру, издавая прощальный стон. А в пред-рассветные часы изумрудную траву покрывает серебристый иней. В апогее зимы солнечный свет почти не проникает сквозь пелену облаков. Юноша Ратмир, по кличке Борщ из рода Седого Волка прожил двадцать три зимы, впереди двадцать четвертая. Скальды перебирают струны донок, поют грустные песни. Зима приносит холод. Зима приносит стужу. Зима – это маленькая смерть. Лис дважды тявкнул.

– Что молвит Брыль? – переспросил горбун.

– Ты – чуня безмозглая, Щипач! Не умеешь распознавать чужую речь!

– И тебе кость в глотку, Борщ! – беззлобно ответил товарищ. – Толмач по-доброму, не юли как шняка!

– Брыль мозглов чует. Две дюжины, или больше.

– Мозглы не осмелятся подойти к Городищу! – стоял на своем горбун.

– Две стадии отсюда...

– Зенки в кашу! Режь медью, зенки в кашу! Пропадем!

Лис предупредительно завыл.

– Тихо!

Мужчин замерли, прижавшись спинами к грубо вытесанным бревнам. Горбун был одет в вывернутую наизнанку овечью безрукавку, оставляющую голыми его мускулистые плечи и руки, покрытые цветной татуировкой. Штаны из груботканой материи, подвязанные шнурком на поясе, и широкий кожаный пояс – вот и все одеяние бродяги! Этерицы неприхотливы, легко переносят и жар и стужу. Острая щепа впилась в плечо, он стерпел, не издав звука. Они стояли неподвижно, похожие на вытесанные из дерева скульптуры, скрывшись в мертвой зоне. Изнутри прилетел взрыв смеха. Ратмир в бессильной злобе сжал кулаки. День Омелы. Девушки раздеваются донага, и пляшут вокруг большого костра. Пунцовые блики пламени играют на смуглых бедрах. Донки стонут в умелых руках музыкантов, песни любви будоражат кровь. Девушки машут ветвями омелы – согласно поверьям, та счастливица, чье растение пощадит огонь, выбирает парня на нынешнюю зиму. Он становится ее рабом. Прошлой осенью его выбрала красавица Веселина. Огненные лепестки жалили бархатные листья, но ветвь оставалась невредимой. Веселина дурачась, хлопнула его веткой по лицу. Два волшебных месяца рабства. Пока не пришли мункаты. То была славная битва! Борщ получил отравленную стрелу в бедро, острие его топора дважды окрасилось кровью захватчиков, а пущенная сулица ранила врага в бедро. Молодой волк был вправе получить славу – звание «свет – малика» – так саты именовали отличившихся в битве воинов, но горе потери затушевало радость побед. Мункаты увели в Орду Веселину, он не сумел им помешать. После пришло время разочарований, время горести. Он видел двадцать три зимы, но хорошо знает, что такое боль.

– Шибко двинем, родное сердце! – в темноте глаза Щипача зловеще сверкали червонным золотом.

– Погоди. Стража сменится, после пойдем!

– Словят сторожи, нелюди окаянные! – маялся горбун. – Ты как волишь, а я на дыбу не пойду!

Ратмир промолчал. Он затаил дыхание, всем естеством обратившись в слух. Старейшина Всеслав, верховный правитель Сестринского Хряща и провинций непременно снарядит охоту, коли обнаружит побег. Взынченные хмелем ратники с охотой пустятся в погоню. Погоня больше похожа на травлю, в роли добычи окажутся беглые. Полукровка этериец и отверженный молодой сат. Унижение ранит больше физических страданий. Беглецов настигнут в лесу не позднее полуночи, усталых, дрожащих от страха. Сладкая добыча! Преследователи сорвут с изменников одежду, отрежут уши, вденут в ноздри железные крючья, и погонят назад в Городище, хлеща гибкими ивовыми прутьями. Вчерашние товарищи в мгновение ока превратятся в усердных палачей! Молодой человек скрипнул зубами в бессильной злобе. Он красноречиво указал пальцем на высотку. С шести сторон ограды находились площадки часовых. Дружина несла стражу круглосуточно. Беглецы сумели ускользнуть благодаря празднованию Дня Омелы. Большая часть жителей собрались на площади. Никто не хотел пропустить соблазнительное зрелище. Ратмир улучил момент, когда часовой пытался разглядеть танцующих девушек. Им повезло. Второй раз святые девы, покровительствующие смельчакам, будут не столь благосклонны. Борщ не был суеверным, но пытливый ум молодого человека угадывал хитроумную связь переменчивых событий мирской жизни, с волей неведомых высших сил. Используя старую пословицу, – не следует дразнить сытого медведя!

– Погоди малость! – шепнул он.

На высотах топтались озябшие лучники. Было слышно приглушенное бормотание, треск костей в кубке. Молодой страж метал кости невнимательно, вытягивал тонкую шею, как цыпленок, пытаясь разглядеть обнаженных девиц на площади. Он дюжину раз проклял свою судьбу за роковой жребий. Дежурство выпало на Праздник! Надо же было такому случиться! Заслышав лай лисицы, он выхватил стрелу из колчана, цевье нырнуло в паз, охнула натянутая тетива. Его напарник осторожно выглянул из укрытия, всматривался в темноту. Беглецы старались не дышать. Шаг вперед, и их обнаружат. Лис прильнул к ногам людей, животное била мелкая дрожь.

– Что узрел, малой?! – спросил часовой, судя по голосу, немолодой ратник.

– Лисы, режь их медью!

– Точно думаешь, лисы?!

– Кость им в горло, щняки беспутные! – заковыристо выругался малой. – Мне почудилось...

– Лисы вне закона!

– Пойди, лови его, сучья черень! – бранился пожилой, чиркнул огнивом, занялось пламя, пляшущие языки осветили темные стволы деревьев. Звук донок перекрывал высокий голос певца, взрыв одобрительного хохота, сноп искр костра взлетел до неба. Лепестки огня ласкали обнаженных танцовщиц. Высокая девушка стремительно пронеслась по пепелищу, словно волшебная птица опустилась с неба, едва касаясь ступнями раскаленных угольев. Танец на углях по праву считался кульминационной частью программы. После, разгоряченные элем, наготой и вседозволенностью, молодые люди начнут прыгать через костер. Рыжие всполохи, как развивающиеся вихры дьяволят жалят обнаженные икры смельчаков. Выматывающий барабанный бой, звон донок, громкое пение скальдов, и восторженные крики умелых прыгунов распалют горячую кровь молодых сатов.

Лучник ослабил тетиву, аккуратно положил стрелу в колчан.

– Надо кликать старейшину! – голос юноши дрожал от волнения и обиды на несправедливую судьбу.

Пожилой расхохотался, отер пальцами длинные усы.

– Туда волишь, малой? – он подмигнул в сторону площади. – Сгоняй, я не выдам! – тон стражника был серьезным, доверительным, но глаза излучали лукавство. Такой выдаст, не раздумывая!

– Надо кликать старейшину! – упрямо повторил юноша, стараясь не оглядываться на костер.

– Кликай, бродяга, кликай! Что ведать будешь, малой? Лиса учуял?

– Лисы вне закона! – повторял лучник. Он был совсем юным, нежный пушок покрывал румяные скулы. Первая стража, мальчишка хочет выслужиться. Если не довелось попасть на Праздник, можно получить чин за рвение!

– Точно молвишь! Вне закона. И что с того?!

– Если воет лис, ищи неподалеку беглого. А беглые – враги Городища и Сестринского Хряща, а равно и всей Окраине!

– А если ты шняку слышал?

Молоденький страж растерялся, хмурил чистый лоб, шевелил пухлыми детским губами.

– Хошь докладывай, хошь спи, режь тебя медью! – равнодушно зевнул пожилой. Он помахал для виду длинным цевьем копья, на острие которого пылал сухой трут. Алый багрянец огня отбрасывал черные тени, светлячки взвились, разрывая мглу. – Черно... Смена буде! Пошто старейшину тревожить? Набреши кормчему, пусть решает! – он щелкнул ногтем по фишке. – Везучий ты малой! Семь против четырех!

В предложении опытного вояки имелась доля хитрости и здравого смысла. Стража менялась четыре раза за сутки. Полчаса между сменами – время неопределенности. Едва ли кормчие угадают подвох! К тому же слышать лиса, но не увидеть его – большая разница! Известно, что выпь умело копирует голоса обитателей леса, и делает это зачастую ради собственного удовольствия. В лесу бродят шняки – охочие до розыгрышей весельчаки. Если смена не задержится, он успеет на Праздник. А вызов старейшины означает долгие объяснения, и возможно придется снаряжать отряд в погоню. Товарищи не простят ему, коли по его сигналу, вместо веселья их погонят на мороз, искать бестелесных призраков!

– Твоя правда, родное сердце! – согласился молодой.

– Слушай старого енота, малец, и не пропадешь! – смеялся напарник. – Сейчас доиграем, и айда к кострищу девок портить!

Кости полетели на стол, игра возобновилась.

Ратмир растер затекшие лодыжки. Дальше ждать небезопасно. В следующий раз фортуна окажется не столь благосклонной. Им и так повезло, что до сих пор не снарядили погоню. Мозглы неподалеку. Они быстры, в канун холодов у них лютый аппетит. Лис перебирал лапами, кончик пушистого хвоста часто вибрировал. Впереди стоял лес. Темная громада чернела в десятке посохов. Лес будил в людях первобытные инстинкты, завораживал величественной непостижимостью.

– Ходу! – он прыгнул под сень высоких деревьев. С вышки донесся громкий смех, звякнули монеты.

Оказавшись вдалеке от стен города, мужчины почувствовали себя неуверенно. Лис тянул поводок, рыскал носом промеж зарослей самшита. Умелый проводник безошибочно находил дорогу, избегая непроходимой чащобы, и болотистых пойм, коварно укрывшихся под зеленой ряской. Тугие ивовые ветви хлестали беглецов по лицам. Ратмир перемахнул устье ручья, спугнув огромную жабу. Жаба негодуя фыркнула, – ведуны говорят, что старые жабы умеют наводить сглаз почище опытного колдуна. Из колчана беглеца выпала стрела, булькнула в прибрежной тине. Он собственноручно вытесывал древки для своих стрел, обматывал пенькой медное жало, а для оперения использовал красочные

перья селезня. На поиск упавшей стрелы времени нет. Выпуклые глаза жабы буравят спину. Ведуны дело говорят, в лунную ночь лучше не встречаться с жабой взглядом! Ему почудилось быстрое движение за спиной, словно тень промелькнула. Страх сковал члены, спина покрылась лютой изморозью. Нелюди! Листва трепетала на ветру, скрипела дубовая кора, мрак прорезала пара светящихся глаз. Шумный взмах крыльев, и уносящееся в небытие уханье. Филин – властелин здешних мест охотился на кроликов. Ратмир прибавил шаг. Ему было стыдно за приступ малодушия, но Щипач ничего не заметил. Он бежал вслед за лисом, загребая босыми ступнями павшую листву.

Через четверть часа быстрого бега, они выскочили на поляну. Свет полной луны посеребрил высокую траву. Горбун завалился на бок, тяжело дыша. На низком лбу выступила испарина, широкая грудь вздымалась и опадала. Как и все уроженцы Этерии, он обладал способностью амфибии, мог подолгу задерживать дыхание под водой, и нырял как рыба. Щипач любил хвастать, что переплывал пролив в те времена, когда Руян дрейфовал в сравнительной близости от континента. Возле южного побережья сильное течение, рычащие буруны разбиваются вдребезги о каменные скалы. Там и на ладьях причалить непросто, только по ночам, когда стихает ветер. Но горбун стоял на своем, предлагал заключить сделку. Полукровки все такие, – упрямые и кичливые. Щипач нечистый. Отец – раб, пришелец с континента, мать – островитянка, из коренных. Уроженка Городища, гулящая девица. Горбун почесал лиса за ухом.

– Брыль чует мозглов?

Борщ наклонился к другу.

– Далеко отсюда. Пока не чует.

– Далеко, это сколько? – допрашивал Щипач товарища. – Три стадии, две стадии? Пусть скажет!

Хотя горбун родился и вырос на острове, он любил играть роль пришлого. Мера длины у островитян отличалась от обитателей континента. Путь пущенной по ветру стрелы равнялся одной стадии. Мореходы дулебы придерживались своей метрической системы, а этерийцы делили дистанцию на мили. Способ, заимствованный ими из старинных карт. Две стадии равнялись приблизительно одной мили. Горбун употреблял оба способа измерений, в зависимости от настроения. А настроение у полукровки менялось также часто, как ветер в проливе. Ратмир решил не вникать в детали. Он доверился проводнику, а подозрительному этерийцу совершенно не обязательно их знать.

– Три. Брыль говорит, три стадии!

Щипач зажмурился, словно решил погадать на лунную тень, и шевелил пухлыми губами, переводя стадии в свои излюбленные мили. Судя по довольной ухмылке, исказившей грубые черты, результат его удовлетворил.

– Кость им в глотку! – пренебрежительно сказал он, и вытянулся во весь рост на траве, закинув руки за голову. Осень – время звездопада, нынче ни одна звездочка не решалась покинуть уютный небосклон. Очередная примета грядущей суровой зимы. Борщ опустился на четвереньки, лис тотчас прильнул к человеку, свернулся в калачик. Некоторое время вся троица сохраняла молчание. Треснула ветка, Брыль повел носом, равнодушно фыркнул. Надо полагать, мул отбил от стада, и теперь рыскает по лесу. В нынешних местах опасность для мирного животного представляют медведи, осенью они озабочены поиском места для зимовки. Охота начнется позже, когда первый снег припорошит мерзлую землю. Драконы водятся южнее, в горной части острова. Если и забредет такой скиталец, взрослый мул ускользнет от хищника. Огромные неповоротливые ящеры охотятся на старых животных, а лузганам и вовсе нечего делать в лесу. Они парят на своих широких крыльях над землей, высматривая добычу. Взрослый лузган ударом клюва разбивает череп быку, лес служит отменной защитой от крылатых ящеров. Мункаты поклоняются драконам и паукам, как

истинные язычники. Они приносят драконам в жертву молодых девиц. Не хочется думать, что такая участь постигла Веселину.

Опять хрустнула ветка, теперь ближе. Щипач всматривался в темноту леса. Золотые глаза сверкали в ночной мгле.

– Шняки?

– Шняки не станут ветки ломать.

– Ведуны молвят, от шняк беды случаются!

– Не все правда, что рассказывают ведуны!

– Ты шняку видел?

– Шняки ловко прячутся. Никто из сатов не видел шняк...

Обломился сук, некто продирался через сухой валежник.

– Нелюди?! – голос горбуна предательски дрогнул.

– Нет. Это точно не нелюди. – Речь Борща отличалась от разговора товарища. Он правильно строил предложения, ругательные слова в его исполнении звучали неубедительно, как у робкой девицы. Это служило поводом для насмешек, и привело молодого человека к трагическому финалу. Суд ведунов был кратким и беспощадным. Чужак. Свет малик воин, – коварный изменник! Требовались доказательства, но как известно, на дыбе молчунов нет! Чужаков нигде не любят!

– Нечего нелюдям в лесу искать! Кого они здесь поймают? Суслика или белку?

– Семь дев защитят Щипача! – твердил молитву этериец.

Ратмир хотел было сказать колкость, но лис настороженно поднял морду, влажный нос жадно втягивал осеннюю свежесть ночного леса. Ветви раздвинулись, на краю лужайки объявился мул. Щипач одним прыжком вскочил на ноги, усталости как не бывало! Золотые глаза горели жадным огнем. Последний раз они ели прошлой ночью – жевали старые коренья, оставленные в заброшенной избе. При виде легкой добычи у беглых заурчало в животах. Брыль настойчиво шмыгал носом, но голод – плохой советчик! Ратмир бесшумно скользил вдоль канавы, цевье лука удобно легло в ладонь. Перед мысленным взором возникла освеженная туша. Он ощутил запах жареного мяса, сладкий жир с шипением падает на раскаленные уголья. Яростно зарычал лис, взвился на месте, будто его ужалила оса. Проводник поднял черную, в рыжих крапинках губу, и рычал, глядя в сторону непроходимого бурелома. Весной здесь бушевали нешуточные грозы, молнии били в верхушки сосен, образовался завал из обгорелых стволов. Там и шакал не проскользнет! Лис заливался кашлем. Мул отпрянул в сторону, взрыхлил почву копытом. Промеж сплетений сучковатых стволов наваленных в бесформенную кучу, проскользнула тень. Животное почуяло опасность, под его натиском ломались тонкие ветки. Мозглы атакуют сообща. Рыжая бестия взлетела на спину мула одним прыжком. Вторая особь повисла на плече жертвы, багровый рот впился в яремную вену. Еще один охотник оседлал круп, длинные липкие пальцы оплели шкуру. Ратмир поймал в прицел замешкавшегося мозгла, в призрачном свете отразились огромные голубые глаза. Угольные точки зрачков пристально смотрят на беглеца, читая историю, угадывая потаенные мысли. Мозглы умеют предугадывать намерения, подавлять волю. Только избранные воины владеют искусством защиты. Юноша не тратил времени на размышления. Тетива стонала в руках, как влюбленная женщина. Также стонала Веселина в его объятьях, ее губы истекали медом, коричневые соски становились острыми, а промеж бедер было горячо и влажно. Стрела просвистела в ночном воздухе, темная кровь брызнула на траву, голубые глаза померкли, чтобы спустя мгновение вспыхнуть в удвоенной силой. Мозгла не убить простой стрелой. Мастерницы из Семиозерья владеют даром заговаривать оружие. Услуга стоит десять монет. Щипач размахивал топором, не давая тварям приблизиться.

– Кость вам в глотку! Кость в глотку! – горбун рычал, словно пойманный в капкан медведь.

Мозгл остановил немигающий взор на этерийце. Горбун безвольно опустил топор, на широком лице блуждала растерянная улыбка.

– Не смотри на него, Щипач! – орал во весь голос Борщ. – Режь медью! Не смотри!

Горбун виновато пожал широченными плечами, дескать, прости, родное сердце, ничего не поделаешь! Ему под ноги нырнула тварь, широкая пасть, усеянная мелкими зубами готова вонзиться в икру. Стрелять из лука по рыжим теням бессмысленно и небезопасно. Они сгрудились подле этерийца, вместо цели стрела может угодить в друга. Он перехватил топором, и очертя голову кинулся вперед. Нежный запах весеннего цветения опутал беглеца. Так пахнут мозглы, аромат желтых роз, произрастающих на склонах Вдовьей долины, что на юге острова, и цветущих крокусов.

Однажды, он выменял у бродячих торговцев дулебов охапку таких роз. Отдал полный колчан стрел, и новенькие снасти для рыбной ловли. Ранним утром крадучись, проник в жилище, и осыпал спящую Веселину розами. Колбочки впивались в нежную кожу как зубы мозглов, девушка восторженно повизгивала, словно щенок, а сладкий аромат стоял в их тесной избе целую седмицу.

Две пары чудесных голубых глаз смотрят в упор. Мысль течет вязко, как ложка в медовой патоке. Чудные образы возникают в сознании помимо воли, хочется улечься на пушистый ковер девственной чистой травы, закрыть глаза. Он слышит чудные голоса поющих девушек, звенят струны донок. Старая песня. Женщины саты поют ее младенцам. Саты унаследовали колыбельную от мореходов дулебов, так гласит легенда. Однажды ему пела Веселина, его голова лежала на девичьих коленях, члены наливались непреодолимой тяжестью, веки слипались. Воспаленный зев мозгла возник рядом. От приторного запаха ком подкатывает к горлу. Брыль впился острыми зубками в его бедро. Человек очнулся от дурмана, взмахнул оружием. Топор обрушивается промеж глаз хищника. Череп хрупок, изнутри брызнула зеленая каша, на липкой белой нити повис светящийся зеленый глаз. Глаз источает власть и ярость, игольчатый зрачок поворачивается вслед за противником. Очередной удар отбросил тварь на дюжину локтей. Мозгл повержен, но все еще жив.

Пока Ратмир расправлялся с мозглами, окружившими Щипача, остальные монстры стелились по траве, быстрые, бесшумные как призраки. Только огромные, бирюзовые глаза искрятся во мраке, жадные рты источают слюну. Тонкие колени мула подломились, животное издало мучительный хрип. Из раны на шее сочится кровь. Завидя легкую добычу, мозглы отвлеклись, подарив беглым шанс на спасение. Теперь все решает скорость.

– Ходу, Щипач! – так громко Борщ не кричал даже во время битвы при осаде Городища.

Горбун очнулся, будто пробудившись от сна. Мозглы роились подле ног – темные спины едва различимы на фоне черной травы. Щипач совершил головокружительный прыжок, и мчался, не выбирая дороги. Впереди бежал лис, люди едва поспевали следом за проводником. Над верхушками сосен маячила круглая луна, ущербный бок планеты похож на демоническую ухмылку оборотня. Он обагрен красной каймой. Точно – недобрая примета! Спустя десять минут бешеной гонки, Брыль вывел друзей на окраину. Дальше начинался крутой обрыв, поросший кое-где густой травой, ниже, в долине синели пятна озер. Здесь заканчиваются владения Сестринского Хряща. Лис тянул друзей вперед, но беглые неуверенно всматривались в чужие земли.

– Молвят, там рыщут нелюди... – зычный бас Щипача выдал позорного петуха.

– Брешут! – отмахнулся Ратмир.

– Ведуны шепчут, мол, с приходом зимы, нелюди повсюду.

– Ведуны лгут!

– Ты так брешешь потому, что они заклеили тебя?

Юноша с трудом подавил вспышку гнева. Содрать кожу со лба, лишь бы избавиться от позорного клейма!

- Всем беглым наводят знаки!
- Вот и нет! Клеймят словами. А у тебя пауки!
- Это великая честь! – отшутился Ратмир.
- У меня такого нет! – Щипач торжествующе улыбался. Он поднес шестипалую руку ко лбу, демонстрируя глубокие морщины. – Я – ловок, как те мозглы! Инде убег с судилища, вот я каков!
- Это я вызволил тебя с позорного столба. Забыл?!
- Сам бы выбрался! Распутал путы, и убег. Понял?
- Почему же раньше не распутал? Дрожал на холоде, хныкал как девица!
- Все саты брешут! – упрямо бубнил полукровка. – Мы вместе бежали. Такому как я не накернишь клеймо на лоб! Всех катов медью порешу, не позволю шкуру портить!
- Поймают в Городище будет! – жестко ответил Борщ.
- Брешут, беглых вельми пытаются? Ты заслужил титул свет – малика, так брешут. Отчего такому воину свет-малику навели клеймо?
- Отвали, бродяга!
- Тонгалашку чуял?!
- С чего ты это взял?!
- Всякий сат, преступив порог смерти, ведает Тонгалашку! – важно объявил Щипач.
- Не видел я никакой Тонгалашки! И границу смерти не преступал, не веришь, потрогай! – он сунул под нос товарищу костистый кулак. – Живой-невредимый!
- Ведуны молвят, коли не сознается плененный, к нему приходит Тонгалашка! Лютая она, не в жисть! – золотые глаза этерийца излучали неподдельный интерес. – Точно не чуял Тонгалашку?!
- Не чуял, и чуять не хочу! – грубо сказал Борщ.

В восточном крыле Городища, рядом с заброшенной штольной находился тотем владычицы смерти. Штольня выработала запасы много зим назад. Раньше саты добывали там уголь, последнее время руда заметно обеднела. Туда опасались ходить без нужды, покосившаяся изба, служившая некогда продуктовым складом, утопает в болотистой низине. Сруб просел, на полу хлябает стоячая вода. Считалось, что изваяние Тонгалашки способно сглазить случайного посетителя. Для каждого юноши из рода Волка считалось молодецеством потрогать рукой безжизненный кусок древесины. Борщ не являлся исключением. С замирающим сердцем, он подкрался к скульптуре, коснулся ладонью шершавой доски. Вопреки ожиданиям, тотем не ожил, чтобы покарать нечестивца. Тогда мальчик впервые осознал истину. Опасность представляют живые существа, одержимые теми же инстинктами, что и он сам. Злобой, голодом, жаждой мщения. Вырубленный в человеческий рост кусок дерева является результатом труда человеческих рук. Для двенадцатилетнего подростка это были чрезмерно взрослые мысли, но он не умел их анализировать. Стоял перед уродливой фигурой, глядя в запавшие глаза чудовища, в полусотне саженой толпились перепуганные товарищи, а он бесстрастно изучал деревянное изваяние, чувствуя облегчение от канувшего в небытие страха. Тотем представлял собой вытесанную из цельного куска грубой древесины фигуру в человеческий рост. По шесть длинных рук свисают из обрубка, змеи вместо прядей волос на круглой голове. В таком обличии, по мнению резчика, являлась владычица смерти. Появление Тонгалашки – редкость. Ведуны пророчествовали, якобы приход призрака в Городище свидетельствует о грядущих бедах. Голод, невиданные морозы, болезни. Тонагалашка непременно заберет человека, как шутили молодцы – «смертушка порожняком не ходит»! Тотем должен был задобрить призрака. Жертвоприношения Тонгалашке отличались особенной жестокостью. Жертвам снимали кожу с запястий и лодыжек, обливали соленой водой, и в таком виде, орущих от боли и смертельной тоски, привязывали к столбу на ночь. Тех, кто доживал до рассвета, ждала милосердная смерть, им просто отрубали головы.

Ратмир пощадил впечатлительного друга, не рассказывая, для какой цели полукровку привязали к столбу. Шестипалый этериец отлично подходил на роль жертвы.

– Лукавишь... – стоял на своем этериец.

– Можешь проверить, Щипач! – с едкой ухмылкой отвечал беглый. – Возвращайся в Городище, иди на поклон к старейшине Всеславу. Скажи ему, так мол и так. Я – беглый полукровка, сын гулящей девицы Роксаны. Мой отец – этериец Ром, казнокрад и доносчик. Я жил в Бране, пока не начались гонения. Хотел устроиться на судно в услужение к дулебам, но те обманули. Решили продать меня пиратам, после чего я убежал. В Городище меня ждала почетная участь, пасть жертвой. Вернулся на твою милость, старейшина, зови ведунов, пусть чинят надо мной правый суд! Заодно проведаешь Тонгалашку, коли так интересно!

Горбун побагровел, на толстой шее надулись вены как канаты. Глаза, цвета золота побелели.

– Толмачишь как чужак! Инде шняка воет!

Ратмир пожалел, о том, что сказал. Задел горбуна за больное. Полукровки – отщепенцы рода. Их отвергают чистокровные этерийцы, презирают саты. Пираты веспы используют пленных полукровок в качестве рабочего скота. Покупают обманом у дулебов, коренных жителей приморских земель. Выгодно такого раба не продать. Привязывают петли к ногам, и скидывают за борт в море, что бы бродяга собирал ценные водоросли. Водоросли затем сушат, смешивают с солью, получается ценная приправа к пище. Если раб пытается спастись бегством, его забивают баграми до смерти. Погружаясь в размышления, молодой человек удивлялся. Почему он испытывает сострадание к чужаку? Сострадание – удел больных, слабых и стариков – так учит кодекс воина. Откуда в его голове возникают эти мысли? Он выглядел как коренной житель Руяна – светлые волосы, цвета речного песка, голубые глаза, высокие скулы. Потомок рода Седого Волка, в день средостения старейшины выбили татуировку на грудь – багровый оскал лесного хищника. Он гордился знаком отличия, но чувствовал себя таким же чужаком, как полукровка. Веселина любила повторять.

«Чуешь, бродяга, отчего я тебя восхитила? Ты на древнего меота похож!»

«Я – сат, из рода Волка!» – кричал он, умело изображая праведный гнев.

«Нет!» – девушка хохотала, скаля влажные зубы, а в глубине алого рта дрожал розовый язычок. – «Ты не похож на сата, и сам это знаешь! Меот!»

«Ты их видела?» – он смеялся вместе с ней, и целовал ее удивительные миндалевидные глаза. Глаза встревоженной лани.

«Не чуди, малой! Ты брешешь чудно. Старики молвят, так брешут инородцы. Ты – меот, мой раб – меот!»

Чужой. Поэтому ему легче в компании с отверженными полукровками. Он положил товарищу руку на плечо.

– Не сердись, брат! Мне тошно, когда напоминают о клейме. Я солгал насчет жертвоприношения. Не такой глупец старейшина Всеслав, чтобы отдавать в жертву коренного островитянина!

Щипач грустно смотрел поверх головы товарища.

– Ты не лгал, бродяга! Разве я не ведаю, для чего привязали к столбу? Ты спас меня...

– Чести ради, бродяга!

Этериец провел шершавым пальцем по шраму на лбу юноши.

– Больно?

– Уже нет... Чести ради!

– Моя мазь помогла?

– Чести ради, бродяга! Помогает!

Этерийцы – отменные лекари. В их объемистых сумках полно склянок с мазями, сборами трав, и припарок. Обыскивать полукровку – себя не уважать для честного сата. Оружия нет, и ладно! Горбун исхитрился сохранить своим сокровища, будучи привязанным к столбу.

– В Семиозерье брендят мастерицы, изничтожат метку. Стоит недорого, – пять монет. Это далеко отсюда, на востоке. Айда туда?

– На территории Сестринского Хряща нас поймут, бродяга!

– Инде ускользнем! – хорохорился Щипач. – А ты изведешь метку.

– Останется шрам...

– Шрам лучше, чем клеймо! – горбун мялся, не решаясь сказать. – Ты дважды спас меня, родное сердце!

– Чести ради, Щипач, чести ради...

– Как ты гораздо делаешь, бродяга?!

– Ты о чем?

– Мозглы. Они чуяли тебя, но ты рубил поганцев топором!

– Мне повезло... – вежливо улыбнулся Борщ.

– Брешешь, бродяга! Шибкая сила в воле мозглов! – в золотых глазах угадывался суеверный страх.

Следовало успокоить мнительного друга. А то впрямь примет его за нелюдя. – решил Борщ.

– Меня укусил Брыль за бедро! – он ласково потрепал проводника по загривку. – Вероятно, боль помогла.

– Мука не в жилу! – упрямо твердил Щипач. – Коли мозгл высасывает кровь – мука лихая, молви нет! Стоишь словно чуня оглушенный!

В словах этерийца угадывалась железная логика. Зубы у мозглов маленькие, слабые. Не зубы, и острые пластины, будто у хищной рыбы. Убить стрелой или мечом чудовище непросто – губчатое пористое тело змея зарастает на глазах. Помогает заговоренное оружие, наконечники стрел или клинки выливают в форму ведьмы из Семиозерья, слепые старухи, обитающие за Семи Холмами в Драконьей роще. Такое оружие высоко ценится, служит недолго. Воздух разъедает сталь как ржа. В прежние времена служители люда носили заговоренные доспехи под рубашками. В бою такое оружие помеха. Клинок чернеет, топор становится неповоротливым, тяжелым. Проще разрубить надвое череп, и обездвижить мозгла, после чего вырвать сердце. Ратмир вспомнил случай из раннего детства. Охотники приволокли в Городище мозгла, утыканного словно еж стрелами. Одна угодила в глаз, на землю вытекло желе, небесного цвета. Мозгл не умирал, дюжина парных присосок расположенных вдоль его желтого, в оранжевых бородавках туловища выпускали загнутые когти. Он лежал на площади, серый, пористый, словно выпотрошенные останки протухшей рыбины, опутанный жгутами. Подошел старейшина Идар, воевода из Сунгирия. Он был высокий, жилистый и веселый как демон. На месте левого глаза зияла черная воронка, на бровь и загорелую скулу выползали кривые белые шрамы. Когда Идар смеялся, он широко открывал рот, и закидывал назад голову, будто намереваясь заглотить добычу. Лучшие девицы Сестринского Хряща мечтали стать женой старейшины. Спустя две седмицы ему сломает медведь хребет, а в то время, еще живой, и полный сил мужчина бесцеремонно вставил в пасть мозгла кинжал, как распорку, засунул в глотку руку по локоть, и вырвал наружу сердце чудовища. Круглый черный желвак размером в два кулака, пронизанный сетью трубчатых артерий с запекшейся по краям темной кровью. Мозгл издал протяжный стон, и умер. Длинные руки с пальцами присосками свисали вдоль тела, распахнутый в немом крике рот в две трети головы монстра. Идар отмахнул кинжалом кусок кровоточащего трофея, поманил Ратмира пальцем.

– Волишь стать избранным героем, волчонок?!

Лицо старейшины сохраняло суровое выражение, но голубые глаза смеялись.

– Вельми хочу, родное сердце! – закричал мальчик.

– Придет час, одолеешь мозгла! – Идар поднес на острие ножа зловонную мякоть к лицу ребенка. Зеленая сукровица выступила на куске мяса. Разрезанный на части орган продолжал конвульсивно сжиматься.

– Ешь! – приказал старейшина.

Ратмир зажмурился, смрадный запах ударил в ноздри. Превозмогая отвращение, он проглотил кусочек. Скользящая жижа скользнула в пищевод, словно он живую лягушку проглотил.

– Быть тебе героем! – Идар потрепал мальчика по загривку.

А после его ухода, Ратмир засунул руку в пасть чудовищу. Пальцы нащупали короткие острые заусенцы, повернутые вовнутрь. Наружу вывалился толстый язык. Труп издавал цветочный аромат, и помертвевшие, затянутые полупрозрачной пленкой глаза источали власть и силу. Щипач прав. Такими зубами не под силу порвать яремную вену жертвы, они пожирают свои добычи заживо, впившись в кожу, как гигантские пиявки. Жертва умирает долго, предвкушая близость неминуемой кончины, не в силах освободиться от магического взора бездонных синих глаз.

– На меня не действует власть мозглов! – торжественно объявил Борщ.

На удивление, такая версия пришлась товарищу по душе. Он понимающе кивнул.

– Ты – вельми сильный, бродяга! – сказал он с уважением.

– Чести ради, дружище!

Лис нетерпеливо скулил, оглядываясь на деревья.

– Брыль считает, надо спускаться вниз.

– Ты чуял жабу? – уклонился Щипач от ответа.

– Видел. И что?!

– Она глядела нам вслед... – голос горбуна благоговейно дрожал.

Этерийцы отличались повышенной мнительностью, и верят в приметы больше чем в Голос Духа или заветы Семи Дев. Широкую грудь Щипача украшали многочисленные амулеты, висающие на шнурках. При ходьбе медные колокольчики издавали мелодичный перезвон. Будто отбившаяся от стада овечка ищет пастуха.

– Зенки в кашу! – беззлобно выругался Ратмир. Он неуверенно топтался на краю обрыва, всматриваясь в темные пятна зелени на песке. Лис тянул поводок, призывно тявкнул.

– Что Брыль брешет? – встрепенулся горбун.

– Мозглы. Расправились с мулом, идут по следу. У нас мало времени, – он судорожно тер лоб, мысли крутились в голове. Оставаться на месте – верная гибель. Мозглы утолили голод, и терзаемы местью. Он ранил одного. Возвращаться в Городище – суд, позор и мучительная казнь. Старейшина Всеслав не жалуется беглых. Выход один – двигаться вперед. Порыв ветра принес тихий стон, едва уловимый аромат цветения. Они приближаются. – Надо идти вперед! – подытожил размышления Борщ.

– Там нет владений Сестринского Хряща! – твердил свое Щипач.

– Если хочешь, ступай на восток. До Сунгирия отсюда рукой подать. – равнодушно сказал Борщ. Он хитрил. Крепость Сунгирь находилась на пути к Семиозерью, в окрестностях провинций Сестринского Хряща. Там правил старейшина Бугран из рода Волка. Про его жестокое отношение к инородцам ходили легенды. Это был властный человек и отважный воин. Он вынужденно мирился с подчинением Городищу. Население Сунгирия насчитывало три сотни воинов. Противостоять набегам мункатов с таким войском решительно невозможно, а для откупа у местного старейшины не хватало золота. Заключение союза давало возможность совместно отбивать атаки степняков, но лишало амбициозного правителя изрядной доли свободы. Он вымещал властолюбие на неполноценных полукровках и плен-

ных дулебах. Этерийцы обходили за версту Сунгирь, а упоминание имени Буграна вызвала у эмоциональных горбунов дрожь в коленях.

– Можно кругом обойти... – говорил этериец неуверенно.

– Кругом не пройдешь. Там повсюду скалы, а ниже, к северу начинается топь. Завязнем! – уверенно отвечал Ратмир. – Дорога одна, через Сунгирь. Что молвишь, брат?

Щипач подозрительно всматривался в темень оврага.

– Покалечимся...

– Все хорошо будет! Пару шишек набьем!

– Будь по твоему! – вздохнул горбун. – Сигаем долу?

– Ходу!

Ратмир отвязал поводок, и лис, не раздумывая покатился по крутому склону. Беглый прыгнул следом, пружинисто приземлился на ступни, и побежал вниз, кувырнулся дважды, рискуя напороться на корягу. Спустя несколько минут он стоял на дне оврага. Наверху темнела маленькая фигурка горбуна. Юноша сложил ладони рупором, и громко прокричал.

– Прыгай живо, кость тебе в горло!

Щипач охнул, покачнулся, и прихрамывая, бежал по склону. Он неловко падал, поднимался, и хромя, несясь вниз. Ратмир недоуменно смотрел на товарища, не понимая причин такой неуклюжести. Наконец горбун остановился, и тотчас рухнул на бок. Из его бедра торчала стрела. Происхождение стрелы не вызвало сомнений. Он узнал бы свои стрелы из тысяч других. Никто из Городища не вязал наконечник таким узлом кроме него. И конечно, перья – отличительный знак. Он бережно выдернул острие из раны, Щипач мужественно стерпел, только скрипел зубами, и тихонько ругался. Рана была не опасна, артерии не задеты, лучник бил издалека, или скверно натянул тетиву. Наконечник повредил мягкие ткани. Этериец достал из сумки бальзам, полил ранку, перетянул ногу лоскутом ткани.

– Кто стрелял?

– Не чую... – горбун припал к фляге, и жадно лакал воду. – Кость ему в горло!

Ратмир внимательно осмотрел стрелу. Сомнения отпали, его хозяйство. Та самая, что оборонил возле ручья, засмотревшись на жабу. Вот и не верь после такого в приметы! Жаба была огромной, пол локтя роста, и веса почти пуд. Круглые глаза навывкате сверлили беглых. По ранней весне чешуя изобилует липкой слизью. Тронешь такую, через месяц-другой начнется проказа. Плоть становится мягкой, кости гниют. Помогают горячие ключи, которые бьют круглогодично на востоке острова. Всякую хворь отпускают. Рану от стрелы он лечил в тех ключах. Мункаты смазывают наконечники своих стрел отваром из трав. Снадобье держат в тайне. После ранения конечность сохнет, а вскоре и сам воин погибает. Вода в горячих ключах шибко смердит, но боль как рукой снимает. Борщ вытер кровь с наконечника охапкой травы, спрятал стрелу в колчан. Размышлять на непонятную тему не хотелось, на востоке забрезжил рассвет, а лис нетерпеливо таял, призывая людей двигаться дальше.

– Идти можешь?

– Инде могу, кашу мне в зенки... – Щипач поднялся на ноги, прихрамывая, шел вперед, оставляя косолапые следы босых ступней в глине. Впереди простиралась чужая земля. Опасная, манящая, таинственная. Гасли звезды на розовеющем небосклоне, таяла голубая луна. Черную синь горизонта сменил малиновый свет. Первые лучи тронули верхушки деревьев, простуженно запели птицы. Новый день уверенно вступал в свои права. Осенний день, последней декады нисходящего месяца лемма.

Городище

– Лис выл дважды?! – пытал старейшина молоденького стража. – Дважды или один раз?! Ты чувствуешь науку счета? Ведуны учили? Покажи пальцы?! – он растопырил ладонь, унизанную свинцовыми перстнями, и махал ею перед лицом перепуганного лучника.

– Два... Два или три раза, родное сердце! Верно чую – два!

На безусом лице юного лучника лице синели кровоподтеки. Он часто икал, и моргал белесыми ресницами, когда массивный, пахнувший элем кулак старейшины появлялся перед его носом. Кат вддел петлю в крепленную на потолочной балке дыбу. В подвале было жарко, пот ручьями стекал с лица незадачливого стражника, пегие завитки подмышками слиплись, на разбитых губах пузырилась кровавая слюна.

– Верно, чувствуешь два раза?

– Точно так родное сердце! Точно два раза!!!

– Два раза, – с удовольствием повторил старейшина. – А что велит молитва стража?

– Заслышав лиса... – он дважды икнул, сбился, и частил, выплевывая слова через редкие зубы. – Заслышав вой лиса дважды, или же лай его... Надлежит немедля доложить кормчему, или в отсутствие его, старейшине!

– Молитву знаешь. Честь памяти твоей, малой! А теперь зачти – отчего важен вой лиса?

– Беглые, родное сердце! Беглые и полукровки! Инде рыщут тропы в лесу, лисы им в подспорье!

– Говори дальше!

– Инде шняки и оборотни! Шняки морочат добрый люд, всякую пакость норовят учинить, извести, погубить. Оборотень всякий вид имеет, что волит...

– Умница, малой! – кабы не дыба, и изготовившийся к кровавой драме кат, можно было подумать, что взыскательный учитель наставляет ученика. – Там где воют лисы, рыщут беглые. Чувешь, малой?

– Чую, родное сердце, точно чую! – захлебывался слезами мальчишка.

– Дальше говори!

– Еще нелюди! – поспешно кричал стражник. – Нелюди и падшие! Нелюди заключают договор с демонами, и имеют немалую силу. Их можно изобличить по глазам в темноте. Падшие, что шняки едят человеческую плоть!

– Верно говоришь! – кивнул старейшина.

– Глаза светятся как у волка или рыси! Нелюди могут выпить крови, только так насыщаются. Коли укусят честного бродягу, тот сам в нелюдя обратится! Нелюди обитают в горах, ущельях, но коли голод или стужа могут в лес войти...

Кату наскучило ждать, он тихонько потянул канат, заскрипели сухожилия.

– Нет!!! Не надо! – визжал мальчик.

– Осади малость... – недовольно поморщился Всеслав. Он опустил на топчан, отпил эля из массивной братины. Это был крепкий мужчина, высокого роста, сухой в кости. Сросшиеся у переносицы густые брови, крючковатый нос и широко поставленные глаза заставляли предположить в нем примесь южной крови. Веспы или дулебы. Кочевые племена, обитатели материка. Голова обрита наголо, густой чуб смоляного цвета свисает на лоб. Как большинство сатов из рода волка, старейшина не брил усы с отрочества. Растительность на лице седеет рано, прошлой весной засеребрились тонкие нити – первые предвестники старости. Чистокровные саты имели светлые волосы, круглые глаза голубого или серого оттенка, румяное лицо. Смуглый мужчина отшучивался на щекотливую тему, касающуюся чистоты его расы. «Черный волк опаснее иных собратьев!» Он был одет как простолюдин, длинная до колен льняная рубаха, с узорчатой вышивкой на вороте, свободные шаро-

вары, увязанные подле ступней шнурком. На веревочном пояске висит отлитая из свинца фигурка волчьей головы. Перстни старейшина надевал ради чина, в повседневной жизни пренебрегал роскошью. Сейчас он барабанил пальцами по подлокотнику кресла, кат терпеливо ждал. Стену пыточной украшали плети разного калибра, замысловатые орудия пыток, крючья, щипцы, длинные иглы. Жарко пылал огонь, в жаровне ждали своей очереди раскаленные добела щипцы. Потекли томительные минуты ожидания. Тишину нарушал веселый треск поленьев, и стоны часового.

Больше всего Всеслав желал оказаться дома, раздеться донага, уткнуться лицом в гладкие колени новой жены, молодницы Горицы, и лежать так долго, покойно, вдыхая терпкий запах женского лона. А две другие жены будут ходить едва слышно, на цыпочках, не смея нарушить покой господина. Он взял третью жену на прошлой седмице, и толком не успел опробовать вкус ее нежного тела. Поначалу она была нечистой, а потом круговорот неотлучных дел закрутил его. Эту ночь он провел на ногах. Сводники доложили, что в лесу замечены лазутчики. Старейшина немедленно собрал дружину, и шел по следу как охотий барс. Мункатов удалось настигнуть на рассвете. Остроконечная шапка мелькнула в лучах восходящего солнца. Пришельцы поняли, что обнаружены, пытались скрыться в кедровой роще, но было поздно. Жаркий азарт погони обуял преследователей. Воины кинулись на врагов как свора голодных псов. В мгновение ока лазутчики были растерзаны на части, сочная молодая трава побурела от крови. Саты отрезали мочки ушей недругов, и шагали назад, переживая триумф. Всеслав не разделял восторгов боевых товарищей. Старейшина допустил непростительную ошибку – следовало доставить пленных в Городище. Он понимал, что толку от языков мало, Борджин опытный стратег и умелый полководец, отправлял на вылазку разведчиков, которые в случае поимки ничего важного рассказать не могли. Хоть кожу снимай, и поливай мясо расплавленной смолой! И тем не менее, его мучила досада за поспешность. Хотелось умыться кровью врагов – как говорят волки! Впереди пора жертвоприношений, грядущая зима сулит неслыханные морозы. Ведуны трепещут в предвкушении. Всеслав отрицательно относился к древнему культу, доставшемуся в наследство от предков. Голос Духа – новое божество, неохотно завоевывал сердца диких сатов. Его заповеди отличаются от наказов Семи Дев. Жертвоприношения – бессмысленная жестокость, пробуждающая низменные инстинкты в душах людей, но ведуны неумолимы. Двух мункатов можно было принести в жертву, вместо того, чтобы убить их просто так, без всякой цели. Он нес в суме отрубленное ухо, в мочке болталась простенькая серьга из белого металла. Подарит ухо врага Горице – решил Всеслава, молодница будет с ним ласкова. Но по прибытии в Городище его ждала новость. Ночью совершили побег двое. Заклейменный юноша и нечистый ублюдок. Старейшина зажмурился, пытаясь отогнать соблазнительное видение. Старшие жены подводят молодницу, задирают подол рубашки, розовые бедра плотно сомкнуты, бедная поросль цвета спелой ржи клубится в темном мыску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.